

Посветье
НАВИГРАД

ЭВЕЛИНА ШЕГАЙ

МЕЖДУ ЧЁРТОМ
И ВОДЯНЫМ

Эвелина Шегай

Между чёртом и водяным

Серия «Навиград (Посветье)», книга 1

<https://litres.ru/74670618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из-за болезни бабушки Лене пришлось срочно поехать в деревню. После увольнения и расставания с парнем, который ушёл к лучшей подруге, ей как раз нужно было сбежать и пересобрать мысли.

Однако, прикрываясь болезнью, бабушка заманила Лену в глушь, чтобы передать ей свой талант пряжи. И пряжи необычной, а той, что плела наряды для нечисти, помогая ей прятать чешую и копыта. А уже к таланту бонусом шла пара постоянных клиентов: рогатый бунтарь на спортивной тачке и мрачный хозяин местного озера. Оба хотят, чтобы Лена шила только для них.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Межуречье	8
Глава 1.2	17
Глава 2. Пряжа	25
Глава 2.2	34
Глава 3. Сущие	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эвелина Шегай

Между чёртом и водяным

Пролог

— И долго ты собираешься сопли на кулак наматывать? — раздался энергичный голос мамы из кухни, деловито стукающей посудой. — Подумаешь, уволили. Единственное место, где ты могла вкалывать? Нет, конечно! Вокруг этих работ — не переработать.

Легко ей было говорить. Не она же отпахала почти без выходных и отпусков последние пять лет графическим дизайнером, которого безжалостно уволили одним днём. Не потому, что он плохо выполнял поставленные задачи, совершал серьёзные ошибки или хотя бы постоянно опаздывал на работу. Причина увольнения была одновременно разумна и жутко несправедлива.

Лену заменили искусственным интеллектом. Из девяти штатных дизайнеров оставили лишь двоих. И в этой лотерее ей тупо не повезло вытащить счастливый билет. Хотя, можно ли это назвать лотереей? Скорее урок от жизни. Ведь оставили именно тех, кто первым начал жульничать, выдавая за свои работы минимально отредактированные генерации.

— Или ты из-за слепого идиота нос свесила? — Мама ре-

шительно зашла в комнату и сдёрнула с неё одеяло, заставив поёжиться от прохлады кондиционера. — Ты давай завязывай с этой хандрой! Уже три дня носа из постели не высовываешь. Погрустила и хватит.

— Он, вообще-то, предложение мне сделал, — напомнила Лена и, ухватившись за край одеяла, потянула его обратно на себя. Но последние три дня, проведённые в постели, и правда не пошли ей на пользу. Толком не ела, только спала. Сил теперь не хватало даже одеяло отобрать. И это так расстраивало, что в уголках глаз снова защипало от обиды на собственную неспособность.

— Ой, сколько у тебя ещё этих предложений будет!

— Но Ваня сделал предложение и всего через две недели ушёл к Карине! — Плюнув на одеяло, она подтянула колени к груди и свернулась в позе эмбриона. — Я за один день потеряла работу, парня и лучшую подругу. Не думаешь, что у меня есть веский повод погрустить?

— Ох, я бы этим двоим зады надрала бы, — воинственно пропыхтела мама, шумно выдохнула, а потом села на край кровати и погладила Лену по плечу. — Знаю, доча, тебе сейчас тяжело и точно не понравятся мои слова, но думаю, что всё к лучшему.

— Тебя Ваня никогда не нравился...

— Да, не нравился. Я не понимаю вашей моды на разделение счетов: квартплата пополам, продукты пополам, в поездку — каждый за свой счёт. В моём понимании это ненор-

мально. Это не семья. И то, что он сдриснул, как только ты потеряла работу, — очередной тому пример.

Отвечать ничего не хотелось. Да и в голове всё перемешалось.

Раньше Лена стала бы пылко спорить с мамой, доказывая, что парни — не ходячие кошельки, что им так же тяжело зарабатывать денег, как и девушкам. Но вспоминая последний разговор с Ваней, то, как он поменялся в лице, стоило ему услышать о её увольнении и планах на заслуженный отдых, Лена вдруг усомнилась в правильности своих ценностей.

Очевидно, Ваня испугался, что она сядет ему на шею. Что ему придётся какое-то время её содержать. Не пришлось бы. У Лены были свои сбережения, на которые она рассчитывала жить месяца два или три, пока никуда не спеша подыскивала бы другую работу.

Приподнявшись, она подползла к маме, чтобы утонуть в мягких и тёплых объятиях. Но стоило уткнуться лицом в шею, пахнущую родным домом, как прорвалось то, что её мучило сильнее всего:

— Знаешь, мне даже не столько из-за Вани обидно. Мы встречались всего два года, и эти отношения не назвать идеальными. Но вот Карина... мы же с ней с начальной школы. Считай, всю жизнь вместе. Как она могла променять нашу дружбу на мужика?

— Я тоже этого не ожидала от Карины, — поддержала мама, поглаживая Лену по спине, и вдруг поинтересовалась: —

Не хочешь съездить к бабушке? Она давно просит уговорить тебя погостить у неё хоть недельку. Скучает сильно, а ещё приболела в последнее время, похудела. Не знаю, насколько всё серьёзно, в город ехать, само собой, отказывается, чтобы обследоваться. Я думала взять осенью отпуск и поехать к ней на месяц, чтобы понаблюдать за её состоянием. Но раз ты теперь у нас временно безработная, может, навестишь бабушку?

— М-м-м, наверное, можно, — пробормотала она быстрее, чем до конца осмыслила предложение о поездке в деревню, в которой последний раз отдыхала лет пятнадцать назад.

В детстве Лена обожала гостить у бабушки. Та жила в дремучей глухомани, но что-то в окружающих лесах, полях и озёрах было уютное, почти сказочное. И чем больше Лена обдумывала предложение мамы, тем сильнее ей нравилась эта идея: отличное место, чтобы спрятаться от всего мира и привести мысли в порядок.

— Да, мам, я поживу какое-то время с бабушкой. Проверю, как она, и дам тебе знать, если нам надо её эвакуировать из Межуречья.

Глава 1. Межуречье

Бабушка жила в деревне всего в четырёх часах езды южнее от родного города Лены — Пустограда. Но из него она уехала ещё в семнадцать лет, когда поступила учиться в московский университет. Там же в двадцать один год попала во время стажировки в крутую компанию, где и осела на пять лет, пока её не выкинули пинком под зад.

Что сказать?.. Суровые реалии столицы: беги или умри.

Поехала к бабушке Лена не сразу, сначала надо было перевезти вещи из съёмной квартиры в родительский дом. Хорошо хоть мама сорвалась и прилетела к ней, взяв на работе отгул, чтобы вытащить из постели и привести в себя. Вместе они упаковали всё, сдали работникам транспортировочной службы и полетели в Пустоград.

Лена пока не знала, где дальше будет работать и как вообще жить. Но бешеный ритм Москвы ей как будто бы не подходил. Конечно, она могла к нему адаптироваться, но он столько ресурсов сжирал, что непонятно было, насколько её хватило бы.

И главное — деньги стоят того, чтобы жить на работе?

Пока Лена оставалась в столице, её жизнь так и будет состоять из ежедневных поездок на метро, ворующих почти три часа чистого времени, затем от восьми до десяти часов — однообразная рутина в офисе, после которой дома хвата-

ло сил максимум на то, чтобы приготовить поздний ужин. Хотя, если быть до конца откровенной, готовила она редко. Чаще силы оставались, лишь чтобы что-нибудь выбрать в доставке. А стремительно пролетающие выходные занимала скопившаяся за неделю уборка, стирка и более длительный сон из-за отключённого будильника.

Мысль, что в её жизнь что-то пошло не так, в этом году стала ощущаться особенно навязчивой. И, в конце концов, всё вылилось в переезд.

— Да господи, мам, что за котомки? — Лена окинула пирамиду до самого потолка из коробок, с которыми её собирались отправить в деревню.

— Тут только всё необходимое! — заверила мама с честными-пречестными глазами.

— Чего у вас с бабушкой за приколы такие? В деревню едешь с ящиками моющих средств, чая и сладостей, из неё едешь с ящиками консервации и сушки.

— Кстати, да, вот тут находится электросушилка для овощей и фруктов, — она указала на один из ящиков сверху с красным скотчем. — Смотри, чтобы с этой коробкой аккуратно обращались.

— А вот тут, наверное, одеяло, — проворчала Лена, наугад ткнув пальцем в другую коробку.

— Как ты догадалась? — удивилась мама.

— Да не, ты точно прикалываешься...

— У бабушки очень старое постельное бельё! Ему лет

тридцать, наверное. Я ещё в прошлую поездку думала, что надо бы всё это дело заменить.

— Ладно. Всё равно не на своём горбу тащу.

Дядя Игорь приехал ближе к полудню вместе с подростком двоюродным братом Лены. Пацану всего-то шестнадцать лет стукнуло, а он уже на голову отца перемахнул. Она в последний раз его видела, когда ещё можно было не задирать голову при общении.

Они вчетвером быстро загрузили микроавтобус. Маленький и старенький Фольксваген, на котором дядя развозил малогабаритные стройматериалы, работая менеджером по их закупке. Для крупных у него был грузовик с открытым кузовом. Первым попрощался и ушёл кузен. Отец, видимо, заставил заскочить, чтобы помочь перетаскать коробки. А потом Лена попрощалась с мамой, обещающей на выходных тоже приехать в деревню, и отправилась с дядей в путь.

— Слышал, баба Маня приболела... Ты поэтому уволилась? — аккуратно спросил он, как только безопасные темы об общих родственниках закончились.

— Нет, не совсем. Просто так совпало, что я устала и захотела вернуться домой, — обтекаемо ответила она, смотря на проносящиеся перед глазами пустые поля.

— Понима-а-аю. Тяжело одной в чужом городе. Ещё и таком большом. Нет, большой город даёт кучу возможностей, конечно, и ты у нас головастая девочка, но... без поддержки семьи любому тяжело.

— Нет, не в это дело! Я никогда и не собиралась оседать там, — отмахнулась Лена с беззаботной улыбкой. И почти не слукавила — сама не знала, где собиралась покупать жильё и обзаводиться семьёй, но точно не в Москве. Даже когда приняла предложение Вани, потом всё думала, как поднять тему их совместного будущего, пока проблема не решилась сама по себе. — Просто съездила, чтобы получить хорошее образование и опыт работы в приличной компании.

Дядя кинул на неё беглый взгляд.

— А, так у тебя всё по плану?

— Ну, не прям всё. В мои планы болезнь бабушки не входила.

— Это понятно!

— У меня давно не было полноценных отпусков. Уже не помню, когда в последний раз нормально отдыхала, поэтому буду совмещать полезное с приятным. Приглядывать за бабулей, обедаться ягодами и купаться в озере. — Она аж хотнула, представляя, с каким удовольствием будет нежиться под солнышком ближайший месяц. В августе оно уже не такое жгучее и местные водоёмы основательно прогрелись, можно купаться от души.

Они проехали дорожный знак у въезда в посёлок «Межуречье» и буквально через пять метров микроавтобус мощно тряхнуло. Они словно на что-то наехали, что взорвалось. А следом машину так сильно замотало по дороге, что у Лены перед глазами вся жизнь пролетела. И пока она вжалась

спиной в кресло, судорожно пытаюсь вспомнить хоть одну молитву, дядька цветасто выругался на богатом матерно и вырулил к обочине.

Он сразу выскочил на улицу, а вот Лена ещё какое-то время сидела и смотрела прямо перед собой. Сердце продолжало стучать в груди в ритме автоматной очереди. Ей понадобилась минута-другая, чтобы осознать целостность и сохранность своих конечностей.

Слава богу, конец всего откладывается на неопределённый срок.

— У нас проблемы? — осторожно спросила Лена, встав неподалёку от склонившегося у колеса дяди.

— Шина лопнула.

— А запаски?..

— Нет, — на тяжёлом вздохе подтвердил он. — Я полностью освободил багажник, чтобы точно всё влезло.

— Проблема... Поблизости вряд ли есть автомастерская, а ехать со спущенной шиной не самое безопасное занятие.

— Вообще не вариант. Там такая ухабистая дорога дальше, у меня на диске живого места после неё не останется.

— И что нам делать? — Она оглянулась по сторонам, не находя даже лёгкого намёка на цивилизацию поблизости.

— Отцу твоему звонить будем, что нам остаётся делать, — проворчал дядя и достал телефон. — Брат, ты ещё на работе?.. Ага, мы чутка не добрались до твоей тёщи. У меня шина лопнула, нужна запаска.

Говоря по телефону с папой Лены, он обошёл машину и присел около другого колеса, что-то там внимательно разглядывая.

— Слушай, у меня и второе колесо выглядит неважно. Не пойму, с чего вдруг... Точно! На прошлый выходных Сашка же брал машину потренироваться в вождении механики. Вот же мелкий... ну я ему устрою кузькину мать!

Пройдя вдоль обочины до вершины холма, она окинула взглядом деревню, красиво раскинувшуюся в низине. С этой точки на неё открывался особенно прекрасный вид. Можно было разглядеть как маленькие частные домики при участках со скотиной и огородом, так и общественные места. У них даже что-то вроде площади имелось, вокруг которой стояло административное здание, школа и универмаг.

За спиной прогудел клаксон, и Лена обернулась, увидев, что возле микроавтобуса остановился старенький, но ухоженный пикап. Она улыбнулась и побежала обратно, радуясь их внезапному спасителю.

— Привет, — с дерзкой ухмылкой бросил ей симпатичный незнакомец и выбрался из пикапа. Он оказался высоким, поджарым и загорелым мужчиной приблизительно её возраста с русыми волосами, уходящими в лёгкую рыжину.

Обычно Лена западала на таких солнечных красавчиков с первого взгляда, но рана, оставленная Ваней, не давала забытья. Противное, ноющее чувство в груди любезно напоминало, какой у неё отвратительный вкус на мужиков, раз

она вечно вляпывалась во всякое гуано.

— Привет, — вежливо отозвалась Лена и отошла, чтобы не загоразивать ему путь к микроавтобусу.

Проходя мимо, мужчина не сводил с неё гипнотического взгляда выразительных карих глаз, в которых как будто чертята плясали. Ох, с этим красавчиком ей точно лучше не связываться. От него так и пёрло самоуверенностью первого парня на деревне.

— Тут у нас дофига вещей, — сказал дядя, стоя у распахнутой двери микроавтобуса. — Вряд ли всё влезет в твой пикап.

— Ага, много, но попробовать можно. Крыша съёмная, поэтому сверху кузов, по сути, не ограничен. Тросами закрепим, часть покидаем в салон. — Он оглянулся на Лену. — Красавицу вашу в крайнем случае на колени посажу.

Дядя бросил на неё взгляд и приподнял брови, без слов спрашивая, как ей женишок?

— Да я могу и пешком дойти. — Она прикинула расстояние до бабушкиного дома: от холма при въезде в посёлок до его крайней точки топать не больше часа. Благо нужный участок не на отшибе был, поэтому такая прогулка ей точно ноги не сотрёт.

— Ты, может, и дойдёшь, а я вот не уверен, что доеду, куда надо, — усмехнулся мужчина.

— Ты не местный?

— Я тут скорее набегам. Недавно домик прикупил на

краю деревне, но со всеми перезнакомиться ещё не успел.

— Ла-адно, — протянула Лена, признавая, что одного его отправлять к бабушке не самый удачный вариант. — Но давай постараемся обойтись без колен?

Ловелас лукаво улыбнулся, дядя и вовсе хохотнул, как будто искренне наслаждался со стороны флиртом молодёжи, а потом мужчины между собой переглянулись и начали разгружать микроавтобус. Лена старалась под руку никому не лезть, но следила за тем, чтобы коробки, отмеченные красным скотчем, не оказались где-нибудь на дне.

Мужчины справились за полчаса: всё перетаскали, закрепили со всех сторон тросами. И даже в салоне достаточно места осталось, чтобы разместить трёх человек. Однако дядя отказался ехать к бабушке, чтобы скоротать несколько часов у неё, пока отец не привезёт запаску из города. Он захотел остаться у машины и подремать внутри.

Лена не стала упорствовать в уговорах, обняла, поблагодарила дядю за проделанный путь и забралась в пикап.

— Меня Лёня зовут, — представился мужчина, как только машина тронулась с места.

— Лена.

— Лена и Лёня, звучит, как парные имена, — бросил он с очередным намёком, который она не смогла полностью проигнорировать. Уголки губ против воли поползли вверх. — Так куда мы едем?

— На второй улице крайний участок. Там невысокие зе-

лёные ворота и два дома стоят друг напротив друга.

— Так ты внучка бабы Мани?! — вдруг воскликнул Лёня и аж повернулся, чтобы на миг впиться в неё широко распахнутыми глазами. — Вот это сюрприз.

— А ты откуда её знаешь? — Лена, наоборот, нахмурилась, не разделяя восторга, и пригляделась к нему повнимательнее.

Бабушку в деревне не особо любили, иногда даже за глаза ведьмой называли, потому что к ней часто заходили всякие-разные люди. Некоторые из них выглядели странно. И все они хотели купить у бабушки какое-нибудь шитьё. Она сама пряла нити, ткала полотно, но сколько Лена не разглядывала результаты её многочасовых трудов, не понимала, почему эти чудаки приезжали к бабушке со всей России за простенькими поясами и рубашками.

— Да как-то случайно получилось, что познакомились, — рассказал Лёня, а заметив, что Лена продолжала его разглядывать, добавил: — Возвращался в деревню, увидел крошечную бабульку с тележкой неподалёку от автобусной остановки, притормозил и предложил подвести. А там слова за слово, и я уже оказался у неё на кухне.

— Это бабушка может, — тихо фыркнула она и окончательно расслабилась, узнавая поворот на знакомую улицу.

Глава 1.2

Бабушка встречала их у ворот. Всё такая же маленькая, худенькая и в своём любимом красном платке с цветочками. Лена аж прослезилась, обнимая её хрупкую, невесомую фигурку, пахнущую парным молоком и пирогами.

— Бабуль, чего ты всё вниз растёшь-то? — пожаловалась она, прижимаясь щекой к чужой макушке. — Я уже сомневаться начинаю, что в тебе полторашка осталась.

— Вот доживёшь до девяноста, поглядим, какая в тебе полторашка останется!

— Какие девяноста? Тебе же в этом году восемьдесят два стукнет.

— Ой тю, подумаешь, округлила чуток.

Лена рассмеялась и выпустила из объятий своего гениального счетовода. Интересно, в каком возрасте у женщин начиналось округления в большую сторону?

— Здравсте, баба Маня, — поздоровался с ней Лёня, распахивая кузов.

— Оба! И ты тута, чертёнок, — она улыбнулась и лишь теперь, видимо, заметила количество коробок, с которыми приехала Лена. — Ой, батюшки, вы куда стольково натащили! Я куда это всё дену?

— Да там половина коробок с твоими банками для консервации. Мама же ничего не выкидывает, всё обратно тебе

в деревню отправляет.

— И правильно! На кой лад хорошую тару выкидывать?

— Так чего ты так удивляешься тогда количеству коробок? — усмехнулась она, смотря на счастливое лицо улыбающейся бабушки. Глубокие морщинки расходились мелкими лучиками от глаз и рта, и каждая, казалось, тоже улыбалась. От старушки веяло таким тихим, обволакивающим теплом, что просто в голове не укладывалось, как некоторые односельчане могли увидеть в ней ведьму. Она же божий одуванчик воплотил.

Бабуля чуть сощурила всё ещё зоркие глаза, отчего в них словно поселилась хитринка, и ласково проворковала:

— Ох, девонька моя, красивая кобылка выросла, но ума аки у цыплёнка.

Лена снова рассмеялась во весь голос, а проходящий мимо них с коробкой Лёня игриво бросил:

— Мне как раз такие девоньки и нравятся!

— Ишь чё удумал, негодник! Гляди мне, надумаешь внучку мою попортить, живо твой хвостик откручу.

— Бабуль, мне двадцать шесть, — с трудом произнесла Лена сквозь смех. — В таком возрасте сложно остаться не попорченной.

— А ну цыц! Если языком не чесать почём зря, никто и не узнает. Больше помалкивай и на ус мотай, чё остальные балакают.

— Какая разница, что там остальные болтают? Да и как

минимум Лёня уже знает.

— И хочу заметить, что Лёне попорченные даже больше нравятся, — не унимался этот деревенский Казанова со своими прямолинейными подкатами.

— Ещё бы не нравились! — возмущённо пропыхтела бабушка, напоминая маму, и погрозила ему пальцем. — Не думай, что раз городская, то её можно поматросить и бросить!

— Обижаете, баба Маня! И мысли такой не было. Как я могу вашу-то внучку обидеть?

Проводив его взглядом с очередной коробкой, которую он заносил во внутренний двор, Лена на секунду зависла на бицепсе, натянувшем короткий рукав серой футболки. С какой стороны ни посмотри, по всем фронтам был полный порядок: лицо симпатичное, фигура подтянутая, характер приятный, машина и дом тоже имелись в наличии. Точно первый жених на деревне.

Часть коробок Лена помогла перетаскать и даже частично распаковать. Вроде не так уж и много вещей брала: немного одежды, ноутбук, косметика, планшет для рисования и другие мелочи, — а это навезённое барахло всё равно заняло почти всю комнату, в которой она останавливалась с детства.

— Ладно, потом по углам распихаю, — пробормотала она и вышла в коридор, едва не налетев на Лёню.

— Осторожнее. — Он ловко поймал её в объятия, точно всю жизнь готовился к этому фокусу: обхватил за талию и крепко прижал к себе.

Его ладонь и торс показались Лене не просто горячими, а обжигающими. Ей тут же захотелось немедленно отскочить и подуть на те места, до которых он дотрагивался, но на деле духу хватило лишь сконфуженно заёрзать, пытаясь высвободиться и не менее смущённо произнести:

— Спасибо... Можешь уже отпустить?

— Ой, прости. — Лёня убрал руку и отступил на полшага, не больше. Они всё ещё стояли в тесной близости друг к другу. Лена могла разглядеть каждую родинку на смуглой коже, каждую ресничку на нахальных глазах, и учуять стойкий запах машинного масла. — Я, наверное, весь потный.

— Нет, не потный, но очень горячий, — признала она, продолжая ощущать жар в области живота и поясницы, как будто грелку к ним прижимали. — У тебя случайно не поднялась температура?

— Нет, я всегда такой горячий рядом с красивыми девушками.

— А тебя, похоже, хлебом не корми, дай с кем-нибудь пофлиртовать, — фыркнула Лена, вспоминая, что за фрукт стоял перед ней. И тут же волшебное воздействие его симпатичной рожицы сошло на нет. — И что, местные девчонки ведутся?

— Не знаю, с местными девушками не общался, но бабушки все поголовно от меня в восторге.

Лена не сдержала смешка. Опасно, ей начинало нравится его чувство юмора.

— Пойдём, баба Маня велела позвать тебя к столу, — сказал Лёня с довольной ухмылкой и развернулся, чтобы спуститься по скрипучей, деревянной лестнице на первый этаж.

Они вышли во внутренний двор, заасфальтированный ещё до рождения Лены, и пошли к одноэтажному дому напротив, где располагалась кухня и столовая. От одной двери до другой было не больше десяти метров по прямой. Даже в крошечной темноте у пьяного не получилось бы потеряться.

Хотя дедушка иногда по пьяни умудрялся путать кухню с гаражом, в который сердитая бабуля его отправляла отсыпаться. Он сам построил огромный гараж из кирпича рядом с кухней. В нём спокойно поместилось бы две машины. Но после смерти деда тот превратился во второй погреб.

— Как же вкусно пахнет, — прокомментировал Лёня, присаживаясь за стол.

По центру дымилась чугунная сковорода с молодой картошкой, густо сдобренной укропом и румяными шкварками, а рядом теснились плоски со сметаной, домашним салом, малосольными огурцами и помидорами. Возле стопки ржаного хлеба стояла глубокая эмалированная миска с навари-стым куриным бульоном. Отдельно на подносе исходила жаром разделанная несущка.

Бабушка подставила поближе к Лене пиала с жареными лисичками, обращаясь при этом к Лёне:

— Давай, наедайся от пуза, помощничек, да айда дальше по делам.

— Хотите меня поскорее спровадить, баб Мань?

— А ты чё, жить у меня остаться удумал? — усмехнулась она и, наконец-то, сама села за стол. — Не, не надобно мне такого счастья.

— Зря-зря, — прокричал он, между глотками домашнего кваса. — Я парень рукастый и работы не боюсь: всё что надо почию, дров наколю, грядку вскопаю.

— Ишь, как соловьём заливается! А я-то жизнь прожила и насквозь вижу, какая у тебя корысть.

— Да шучу я, баб Мань, чего вы так всё в штыки, — дал заднюю Лёня, съел картошину и даже не поморщился от её жара. Хотя вырывающийся изо рта пар говорил о том, что она ещё очень даже горяча. — Вы это, носочки мне сшить обещали в прошлый раз...

— Помню я, помню, да только здоровьишко как-то подводит в последнее время. Ты уж обожди чуток, дай мне оклематься.

— В чём такая сложность купить носки в магазине? — не поняла Лена и даже ощутила укол раздражения. — Зачем из-за ерунды напрягать пожилого человека?

— Ну-у-у, баба Маня шьёт очень качественные носки. Такие больше нигде не найти, — явно стал юлить он.

— Что за искусственный дефицит? Уверена...

— Алёнка, не бурчи, — одёрнула её бабушка. — Мне самой в радость какую копейку подзаработать. На мою-то пенсию шибко не разгуляешься. Пока есть такие хлопцы, что

готовы мои носки скупать, с голоду не помру.

— Бабуль, ну какой ещё голод? Мама давно тебя уговаривает переехать в город, там мы будем тебя и кормить, и поить. Ты своё уже отработала.

— Нет, внученька, я человек земной, всё вокруг тут мне любо, я уже по-другому не смогу. Закахну в вашем каменном курятнике.

Шумно вздохнув, Лена продолжила молча есть. Конечно, хотелось расспросить про здоровье, что именно беспокоило бабушку и почему она, как её любимый баран по кличке Снежок, отказывалась приехать в город хотя бы на неделю, чтобы пройти обследования. Однако присутствие лишних ушей смущало. Тем более Лёня как-то подозрительно притих, поглядывая то на бабушку, то на Лену.

Он уехал лишь через полчаса, в самом деле наевшись от пуза. И, само собой, не забыл ещё позаигрывать на прощание.

— Красив, как чёрт, — прокомментировала бабушка, наблюдая за отъезжающим от её ворот пикапом. — Но ты с ним, Алёнка, поосторожней будь. На посулы его сладкие не зарься, заговаривать зубы он мастак. Ненадёжный хлопец, с гнильцой да с червоточинкой.

— Не волнуйся, бабушка. В мои планы не входит крутить здесь с кем-либо романы, — отмахнулась Лена и тяжело вздохнула, осознав, что допрос о женихах только впереди. Она получила небольшую отсрочку всё из-за тех же лишних

ушей.

Но вот Лёня уехал, а бабуля уже косилась на неё прищуренными и слишком зоркими для восьмидесяти лет глазками.

Глава 2. Пряжа

Утро в деревне начиналось с первыми криками петухов. Степан заголосил ещё до рассвета. А как солнце вылезло, так этот окорочок ходячий вообще перестал делать паузы между выступлениями. Пришлось вставать, выбираться из вкусно пахнущей луговыми травами постели, и идти во двор, чтобы умыться.

— И чего ты теперь заткнулся? — спросила Лена у разгуливающего с важным видом чёрного петуха.

Он ходил за рабицей, подёргивая башкой, и не сводил глаз с курицы, которую бабушка выпустила вместе с цыплятами побегать по травке у парадной части сада. Там росли только кусты смородины вдоль забора и один гигантский грецкий орех. А в тени, под его густыми ветвями, стояли садовые качели.

Оставив висеть полотенце на шее, Лена прошла в сад, присела на деревянную лавку и слегка оттолкнулась ногами от земли. Широкое сиденье лениво поплыло взад-вперёд, совершая короткие, убаюкивающие полукруги. Она не стала раскачиваться сильнее, позволяя качелям едва заметно колебаться в такт её полусонным мыслям.

— Надо как-то уговорить её поехать в город, — произнесла вслух Лена, прокручивая в голове вчерашний вечер. На первый взгляд бабушка выглядела здоровой, суежилась и

бегала, как обычно, но ночью несколько раз вставала и явно болезненно постанывала.

— О, Алёнка, уже на ногах! — воскликнула бабушка, подходя к воротам.

— А ты куда в такую рань ходила?

— Дык Бурёнку в стадо выгоняла. Пастух наш, Митрич, повёл животину на дальние луга, покамест паут не поднялся. Но злой, аки пёс цепной. Видать, опять со своей бабой сцепился спозаранку. — Она зашла во внутренний двор и закрыла за собой калитку. — А ты чё не спишь-то? Степан, ирод, разбудил?

— Да, под такие концерты с непривычки сложно спать, — призналась Лена с сонной улыбкой. Легла-то она по городскому графику, ближе к полуночи, а вставать пришлось в четыре утра.

— Ничё-ничё, пару деньков — и обвыкнешься. Пойду-ко я на кухню, сварганю нам пожевать чего.

— Тебе с чем-нибудь помочь?

— Лучшая твоя помощь — под руку не суйся.

— Ладно, — усмехнулась она.

Столько лет прошло, а бабуля ни капли не изменилась с их последней встречи. Всё такая же деятельная и чуть сварливая старушка, которая не терпела лишней суеты на своей кухне. Ей и правда будет тяжело жить на чужой территории, пусть квартира и принадлежала её родной дочери.

Лена покачивалась на качелях, подставив лицо слабому

ветерку, едва шевелящему её кудрявые волосы. Тёплые лучи раннего солнца пробивались сквозь резную листву и падали ярко-жёлтыми бликами на голые колени. А влажная ткань полотенца на шее приятно холодила кожу, спасая от подступающей духоты.

— Как же тут хо-ро-шо, — протянула она по слогам и встала.

Пёстрая курочка встрепенулась, издав короткое квохтанье, на которое звонкой волной мгновенно отзывался десяток цыплят. Пушистая толпа сбежалась со всего сада, чтобы спрятаться под животом у взволнованной матери. А за рабичей грозно вскрикнул, воинственно захлопав крыльями, петух.

— О боже, вы чего такие нервные с утра пораньше? Тут только мне полагается бродить с недовольной рожей.

Сходив в свою комнату, Лена переделалась в сетчатое платье нежно-салатового припудренного оттенка. Несколько слоёв невесомой ткани скрывали от любопытных глаз всё лишнее, но позволяли коже свободно дышать. А ещё ей очень нравилось, как этот оттенок выгодно подчёркивал естественное золото её волос — не кричаще-ярких, как из тюбика краски, а мягкого, натурального рыжего цвета.

— В чугушке у печи ячменная каша на сливочном масле томится, — сказала бабушка, стоило Лене зайти в прихожую, из которой открывался справа вид на кухню, а по прямой — на столовую. — Не хошь кашу — оладьев обожди. Они

у меня пышные, на закваске, с настоящей сметанкой, а не с этой вашей химозой магазинной.

— В магазинной сметане нет ничего химического. Сметану просто обеззараживают, поэтому она дольше хранится. Убирают бактерии, из-за которых она бродить и портиться начинает, понимаешь?

— Ишь чё, а моя поди грязная?

— Нет, твоя самая вкусная, — смирилась Лена с неизбежным и сказала то, что от неё хотели услышать.

— То-то же!

Стараясь не крутиться у бабушки под рукой, она достала посуду, заварила травяной чай с сушёными ягодами, не найдя кофе, и сходилa в погреб за малиновым вареньем.

— Вау, они и правда у тебя прям невероятно пышные получаются, ещё чуть-чуть и панкейки! — Лена щедро макнула оладушек в сметану, смешанную с вареньем, и аж зажмурилась от удовольствия. Калорий тьма, но как же вкусно!

— Пан...чё? — переспросила бабушка с таким выражением лица, словно услышала матерное слово.

— Панкейки — это что-то между блинами и оладьями. Традиционное американское блюдо.

— Тьфу ты! Не надобно нам ихних традиций на порошках да химозе. Я вот опару-то с вечера ставила, всю ночь за ней приглядывала, чтоб не убёгла. Зато гляди — какая лепота выкатила!

— А, так вот почему ты вставала ночью, — догадалась

Лена, и её тревога за здоровье бабушки начала по чуть-чуть утихать.

— Чё, спать тебе не давала, шумела?

— Не, я поздно уснула, поэтому слышала, как ты вставала и на улицу выходила.

— Вон оно как... И чем ноне маяться собираешься?

— Не знаю ещё. Думала, может, к озеру сходить, покупаться. Или прогуляться до речки, — поделилась своими неопределёнными планами Лена и наткнулась на внимательный прищур. — Если тебе нужно с чем-то помочь, ты говори, не стесняйся.

— Да чё мне стесняться в своём дому, — пробурчала бабушка. — Но дело к тебе есть, это верно. С пряжей мне помощь надобна.

— С пряжей?.. Не уверена, что у меня получится. Я никогда не занималась ничем связанным с шитьём, — призналась она, пытаясь вспомнить, когда последний раз брала нитку с иглой в руки. По-моему, это было в школе — на уроках труда.

Как вчера Лена помнила своё возмущение из-за престарелой училки. Они чуть ли не всем классом слёзно уговаривали её шить юбку, но та упёрлась в дурацкий фартук. Видите ли, такова учебная программа, чуть отступить от которой нельзя. Да и молодой хозяйке фартук якобы всегда пригодится в быту. Сшить они его сшили, но ни одна из одноклассниц потом не использовала по назначению. Лена и во-

все свой выкинула на следующий день после полученной пятёрке.

— Любому делу выучиться можно, было бы к тому желание, — сказала бабушка и подложила ей оладушек на тарелку. А потом его ещё и подвинула к Лене поближе, чтобы даже не думала уходить, не наев бока.

— Это из-за Лёни? — уточнила она, всё ещё считая его желание купить именно у её бабушки носки каким-то мутным. Вцепился в них, как в дефицитный товар, который больше нигде не найти. — Неужели это для тебя так важно?

— Я ему обещалась, а воротить слово взад — негоже.

— И сколько ты ему пообещала? Десять пар, двадцать?

— Одну.

— Одну пару? — не поверила Лена. Да какой нормальный мужчина будет из-за одной пары носков разводить такую суету? Ерунда какая-то. — И сколько ты зарабатываешь на этой паре? Сто или двести рублей? Бабуль, мне кажется, это не совсем то, ради чего надо так напрягаться.

— С чего это — сто рублей? Ишь, выдумала.

— Ну, хорошо, пятьсот рублей.

— Тридцать тысяч.

Бабушка взяла банку, щедро зачерпнула деревянной ложкой на длинной ручке варенья и шлёпнула его поверх каши. А Лена сидела и смотрела, как красивый рубиновый цвет растворялся в серовато-жёлтом массиве, придавая каше бледно-розовый оттенок. Она проводила ложку взглядом

до самого рта с тонкими, почти исчезнувшими губами, и, не веря, что всё же решилась произнести вслух что-то настолько нелепое, уточнила:

— Тридцать тысяч всего за одну пару носков?

— Да.

— Лёня в курсе ценника?

— Ведомо ему всё. Я уговоры с берегу веду, сразу выкладываю чё да как. А они уж пушай сами мозгуют — надобно им со мной связываться али нет.

— Ага, то есть, он прекрасно осведомлён о цене и при этом горит желанием, как можно скорее купить у тебя эти носки.

Лена медленно кивнула, пытаясь осмыслить и принять слова бабушки, а потом всё же не выдержала и нервно хохотнула:

— Он что, с головой не дружит?

— Всё у него в порядке с кукушкой. Не дурнее тебя.

— Нет, тут кто-то определённо с головой не в ладах. Я в ЦУМе оригинальные носки от Гуччи видела за двадцать тысяч. Но Гуччи, извини меня, это известный на весь мир итальянский бренд, которому уже больше ста лет. А ты хочешь сказать, что продаёшь носки ещё дороже и кто-то их покупает?

— Знаешь ли, носки от бабы Мани — марка повыше ваших Гуччев будет.

— Бабуль, не сомневаюсь, что ты шьёшь прекрасные нос-

ки... но тридцать тысяч?

— Свои руки ценить надо. Не за бесценок же горб гнуть.

— Да я больше в шоке с того, что ещё и другие ценители нашлись.

— Да ко мне со всех волостей народ так и прёт, в очередь строятся! — Бабушка вскинула указательный палец к потолку.

— Ты их из золота шьёшь?

— Нет, но такого шитья, как у меня, больше нигде не найти.

Лена взяла оладушек, макнула в сметану и откусила. Корочка аппетитно хрустнула, открывая пористую, пышную мякоть, которая буквально таяла на языке. И оставляла едва уловимую кислинку от живой закваски, которое почему-то не терялась в густом сливочном вкусе сметаны.

Задумчиво пережёвывая вкуснейшую стряпню, она смотрела в окно, где утреннее солнце уже вовсю заливало огород. Спелые кабачки, подрастающие тыквы, а вблизи дома — несколько рядов сочной зелени.

Лена доела оладушек и вернулась взглядом к бабушке, которая мучила здесь дела покруче столичных маркетологов.

— Ладно, теперь мне даже интересно стало, что и как ты шьёшь, что аж такие деньги зарабатываешь.

— Интерес — дело доброе, — отозвалась она с хитроватым прищуром, словно знала, что подобрала для Лены идеальный крючок, и улыбнулась. — Погуляй-ка пока день-то,

девонька моя. А как жара спадёт, ближе к вечеру, на чердак
поднимемся. Там-то я тебе все свои секреты и явлю.

Глава 2.2

Стараясь держаться тени придорожных ив, сохраняющих утреннюю прохладу, Лена дошла до магазина — кирпичного дома с крыльцом, над которым красовалась гордая вывеска «Продукты». Однако помимо продуктов там продавалась как бытовая химия, так и детские игрушки. Поэтому большое, двухзаловое помещение встречало запахом свежего хлеба, порошка и аппетитных копчёностей.

Только благодаря сытному завтраку Лена не соблазнилась золотой рыбой, от которой исходил одурманивающий аромат. Она взяла из холодильника бутылку лимонада и оплатила её картой, в моменте успев испугаться, что для местного магазина могла понадобиться наличка.

— Алёнка?! — вскрикнула старушка из-за забора почти с неё саму ростом, одна голова выше торчала сверху. И то от носа. — Ты ж это, али не ты?.. Внучка бабы Мани?

— Да, здравствуйте, — вежливо отозвалась Лена, не узнавая ту, что к ней обращалась.

— Ох ты, какой красоткой разрослась!.. И космы-то рыжие-прерыжие, прямо полыхают. Весь корень бабкин наружу вышел, в неё пошла, точь-в-точь...

— Спасибо, — с натянутой улыбкой поблагодарила она и пошла дальше, стараясь поскорее выкинуть из мыслей неприятный намёк очередной суеверной старухи.

Потягивая маленькими глотками ледяной лимонад, Лена вышла к озеру. Теперь к нему вела и даже огибала по кругу не та старенькая, протоптанная тракторами грунтовая дорога, а новенькая асфальтированная полоса. Всей деревней, что ли, скидывались на неё?

Лена пошла по дорожке, с интересом крутя головой и ища взглядом, что ещё нового появилось. Асфальт плавно вывел её к месту, где в широкое, спокойное зеркало озера с тихим плеском впадала извилистая речка.

— Ого, так вот как он выглядит вблизи, — восхитилась вслух Лена, когда вышла к дому, на который в детстве только могла смотреть издалека. Конечно, он многих детей интересовал, но единицы рисковали пробираться через заросли крапивы и ежевики, не боясь увязнуть в почве, становящейся болотистой после любого дождя.

Однако теперь к дому вела цивилизованная дорога, как какой-нибудь туристической достопримечательности. Так оно, наверное, и было. Избушка словно из сказки выпала: каменный низ, деревянный верх, кирпичная и на удивление ухоженная черепица, но главным украшением дома являлось огромное и потемневшее от времени деревянное колесо водяной мельницы.

Оно до сих пор функционировало, медленно вращаясь под напором речной воды. Шум стоял как у водопада, но от него не уставали уши. Наоборот, он словно успокаивал.

— Теперь мне даже интересно, кто тут живёт, — пробормо-

мотала Лена, прогуливаясь вдоль палисадника, разбитого у парадной части дома. Она не стала нагнать и без спросу заходить на чужую территорию, хоть щеколда на низком заборе и выглядела чисто символической. Лишь ещё позади дома поразглядывала огород со стеклянной теплицей и развернулась, чтобы пойти в обратную сторону.

Как и было велено, Лена гуляла по посёлку аж до самого вечера, вернулась ближе к закату, но не застала бабушку дома. Поэтому она присела на пригретую солнышком лавочку, стоящую у стены кухни, и стала ждать её возвращения.

Неожиданно на колени к Лене вскочил не пойми откуда взявшийся рыжий кот с драным ухом. Он по-хозяйски развалился у неё на ногах и замурлыкал.

— А ты тут откуда? — она почесала ему под подбородком. Красивый, мордатый. — Не припомню, чтобы бабуля кошек любила.

— О, Алёнка, воротилась! — бабушка оказалась легка на помине. Распахнула ворота и похлопала по боку рыжеватой-коричневой коровы. — Иди, милая, отдыхай, кормилица ты моя.

— Бабуль, а что это за кот?

— Приблудился года три назад. В грядках не пакостит, спать на кухню у печки приходит иногда. Глаза не мозолит, я его и не гоню.

— Ничего себе, непривычно видеть у тебя кота, — сказала Лена и потискала его за толстые щёки. — Сколько помню, у

тебя всегда полный двор собак был. А теперь тут так тихо.

— Перемёрли все. Больше не хочу никого. Тяжко их убирать, сердце наизнанку рвётся из-за каждой животины. А коты, чё?.. Пришли — пожрали. — Бабушка загнала корову в хлев и подошла к двери кухни, остановилась в проёме и внимательно посмотрела на рыжика, балдеющего от почесушек. — А коли перестал приходить харчеваться — значит, такова доля его.

— Можно же кастрировать кота, чтобы он на гульки не ходил.

— Тю, надо мне грех на душу брать да животину калечить.

— Но тогда меньше шансов, что его постигнет грустная судьба.

— Чему быть, того не миновать, — обрубилa она, закрывая тему, и скрылась за вуалью из деревянной шторки. Сквозь перестук маленьких бамбуковых трубочек донёсся её ворчливый голос: — Хватит эту рыжую морду тискать, заходи давай, вечерять будем.

Пужинали они простеньким овощным салатом и молодой картошкой со свежим мясом. Такое мясо даже не понадобилось особо в специях, само себе было вкусным. Кто-то из соседей забил поросёнка, и бабушка купила сразу половину туши.

— Ты уверена, что в холодильник всё влезет? — недоверчиво уточнила Лена, смотря на проделанный ими фронт работы по разделке туши. Тут было не меньше тридцати кило-

грамм.

— Влезет, куда денется. У меня в погребе два ларя здоровенных стоят, морозильных. Места на двух кабанов хватит. Триста литров каждый!

— Ого, а вместе шестьсот. Это что ты морозишь в таких промышленных масштабах? — она взяла эмалированный тазик и стала кидать в него мясо, которое нарезала на квадратные кусочки для шашлыка.

— Да всяко-разно. У меня круглый год добро водится: и ягода кустовая, и гриб лесной, и трава целебная. С огородной-то всё впрок идёт. Это вы там, в городах своих, химозу китайскую жрёте, леший бы вас побрал. — Бабушка небрежно вытерла руки о фартук и нажала на кнопку вакууматора, запаивая последний пакет. — Мать твоя в прошлый год клубнику зимой привезла: огромная, с мой кулак! И сладкая, будто сахарной водой её поливали. Да только день прошёл — и вся в плесени, сгнила к чертям. Где это видано, чтоб живая ягода так споро мхом обрастала? Одно слово — отрава.

Лена решила не спорить с ней, пытаясь объяснить принцип выращивания клубники на гидропонике и какой путь ягода была вынуждена преодолевать. Сама Лена считала настоящим чудом уже то, что китайская клубника ещё в дороге плесенью не покрывалась.

Закончив с работой на кухне, они по очереди сходили в уличный душ, в котором вода шла из бочки, нагревающийся в течение дня под солнышком. А потом поднялись на чердак.

Вдоль бревенчатых стен выстроились сундуки и грубо сколоченные стеллажи с клубками самодельных ниток. У единственного окна стояла массивная, деревянная прялка. Такая древняя, что казалось скорее достоянием какого-нибудь музея, а не действующим рабочим инструментом. Огромное пространство выглядело бы уютным, если бы не развешанные под стропилами пучки корней и завораживающие узоры, вырезанные прямо на балках, из-за которых комната казалась убежищем настоящей ведьмы.

— Бабуль, я начинаю догадываться, почему о тебе такие слухи в деревне ходят, — сказала Лена и провела пальцами по выжженным на дереве паяльником палочкам, смутно напоминающим буквы. — У тебя тут такие странные узоры.

— Руны это. — Бабушка распахнула один из сундуков и достала моток ткани. — И дыма без огня не бывает.

— В каком смысле?

— От ведьм мы свой корень ведём, внученька, это правда, — рассказала она и стянула платок, высвобождая густую и вьющуюся гриву, среди седины, в которой не осталось ни одного медного волоса. — А дремлет сила али проснулась — по голове сразу видать. Чем больше ржавого золота на ней горит, тем сильнее ведовство. Моё вот совсем зачахло.

Лена кивнула, внимательно смотря на бабушку. Кажется, она искала болезнь не в том месте. Интересно, а мама в курсе этих ведьмовских приколов бабушки. Если да, то чего её не предупредила? Лена понятия не имела, как реагировать:

подыгрывать или проигнорировать странные слова.

— Пойди сюда, — велела эта старая ведьма и распахнула сундук поменьше. — И сама выбери нитку. На какую глаз падёт.

— Не хотелось бы, чтобы мои глаза падать начали, — нервно пробормотала Лена, но подошла и схватила первый попавшийся моток тёмно-красных ниток. — Пойдёт?

— Ладом. Теперь садись-ка за стол.

— Надеюсь, обойдёмся без жертвоприношений?

— Не мели пустого! — огрызнулась бабушка, точно это не она только совершила нелепое признание.

На столе к ниткам и куску ткани прибавились выкройки и портновские ножницы. А потом началась сплошная тирания со смешными оскорблениями. Лена ещё утром предупредила, что шить не умела, но бабушке это не помешало разозлиться.

Все два часа, что они страдали над несчастной парой носков, старшая родственница не переставала удивляться с того, насколько её внучка — криворукая неумеха.

— Да я за всю жизнь ни одного носка не заштопала, — проворчала Лена, устав от бесконечного потока причитаний, как она бедная и несчастная, дожила до двадцати шести лет, так плохо держа нитку с иглой в руках.

— Эт как так-то?

— Вот так. Порвались носки — выкинула. Открыла новую упаковку.

Бабушка замерла с приоткрытым ртом, в то время как в округлившихся глазах читался шок и нежелание верить, что её родная кровь могла отличаться таким кощунственным расточительством.

— Ишь, транжира кака, — со свистом выпустила она сквозь зубы.

— Да там носки по пятьдесят-сто рублей стоят. Это же не твои лакшери чулочки по тридцать тысяч, которые рядом с Гуччи не стояли. — Лена подняла обычные с виду мужские носки и покрутила в свете настольной лампы. — Он реально за это отвалит столько денег?

— За эти — нет, — фыркнула бабушка, заправила иголку тёмно-красными нитками, которые в самом начале выбирала Лена, и протянула ей. — Таперича знак один наложишь — вот тады они в полную цену и войдут. Нужно на исподе носка вышить руну Перта.

На стол со звонким стуком опустилась деревянная табличка, отдалённо похожая на игральную костяшку домино. Только вместо знакомых точек на ней была изображена непонятная загогулина.

— Ба, я вышиваю не лучше, чем шью, — предупредила Лена.

— Ха, ещё бы! Но сколь бы руки у тебя из задка ни росли, тут напортачить не сможешь. — Бабушка дождалась, когда она заберёт иголку, и лицо её сделалось особенно серьёзным. — Тыкай давай и за мной говори: шью-зашиваю, чужую

кровь укрощаю.

Лена дотянулась до телефона и нажала на боковую кнопку, чтобы глянуть время. На часах перевалило за полночь. Теперь это реально начинало походить на какой-то колдовской ритуал.

— Повторяй, чё замерла!

Покосившись на бабушку, Лена натянуто улыбнулась. Ей потихоньку становилось уже не по себе от происходящего. Но она решила, что просто подыграет, чтобы быстрее всё закончить, поэтому воткнула иголку в ткань и повторила:

— Шью-зашиваю, чужую кровь укрощаю.

— Ложись личина человечья на сущность навью.

После этих слов что-то внутри Лены стало подниматься наружу. Какой-то незнакомый жар потёк по жилам: от грудной клетки до кончиков пальцев, сжимающих крошечный кусочек металла. И она не могла поверить собственным глазам, но острый кончик иголки начал светиться.

— Смотрят глаза да в мороке вязнут, видят лицо да правды не знают, — продолжала диктовать бабушка, стоящая над душой.

Лена бездумно повторила, в шоке наблюдая за тем, как красное свечение поползло по металлу и перешло на нитку. Вдруг морщинистая и сухая рука легла поверх её пальцев и помогла протолкнуть иглу, напоминая о необходимости вышить руну.

— Шью не носок, а для личины засов.

Кое-как с горем пополам, она изобразила полыхающими нитками что-то похожее на знак с деревяшки. А потом стёжки сами собой выпрямились, в точности повторяя форму с рисунка.

— Это ещё что за херня? Почему само двигается?! — не сдержавшись, воскликнула Лена. По рукам побежали колючие мурашки от ужаса из-за творящейся у неё под носом чертовщины, и тут же она отхватила смачный подзатыльник.

— Пока шов крепок — маска не сорвётся, копыто не покажется, рог не проклюнется, — со строгими нотками в голосе сказала бабушка и требовательно постучала по столу, поторапливая обомлевшую Лену. У неё язык едва ворочался из-за того, что в голове мысли мелькали со скоростью метеоров, пытаясь хоть что-то понять. Бабушка же проявила истинные чудеса выдержки, пока она неохотно бормотала себе под нос слова какого-то заклинания, и торжественно закончила: — Слово моё лепко, дело крепко, узлом завязано — нима!

— Слово моё лепко, дело крепко, узлом завязано... нима, — тихо повторила Лена, и носок вырвался из рук, чтобы взлететь и зависнуть под потолком. Вокруг него возник огромный светящийся круг, состоящий из узоров, похожих на те, что украшали балки.

Несколько секунд, растянувшихся в вечность, он кружился в воздухе, а потом сияние потихоньку угасло, и носок плавно опустился прямо на ладонь Лене. Она же замерла, боясь пошевелиться. Будто одно неловкое движение — и эта

волшебная штучка ей кисть по локоть откусит.

— Ну вот и всё, — с довольным видом объявила бабушка, забирая у неё носок. — Первый готов.

— Ба... а что за грибы мы сегодня ели?

— Подосиновики.

— Ты уверена, что среди них не проскочила поганка-другая?

— Тю, я чё, у леса живу и в грибах не соображаю?!

— То есть, всё, что я сейчас видела, это было взаправду?..

— Взаправду, взаправду, — вторила она, деловито подсовывая уже второй носок. — Таперича ещё разок повторим, для верности-то, чтоб руки твои получше запомнили.

Лена обхватила голову ладонями и окончательно приняла то, что раньше никогда бы не смогла сказать вслух.

— Ты в самом деле ведьма.

— Можно и так обзываться. Но главное, внученька, тебе сила нашенская родовая тоже перепала. — Бабушка погладила её по спине. — Да дело-то у нас праведное: слабым помогаем от сильных хорониться.

Глава 3. Сущие

Всю ночь Лене снились летающие вещи и светящиеся нитки. Утром она опять встала с первыми криками петухов ещё более разбитая, чем вчера. Поэтому, как только зашла на кухню, сделала себе полулитровую кружку кофе. Растворимого. Но выбирать не приходилось.

— Так на суп тебя пустить охота, — угрожающе протянула Лена, сидя на корточках перед курятником и смотря на голосистого говнюка. Он встрепенулся, будто понял, что она сказала, расправил чёрные крылья и коротко вскрикнул. — А бабушки нет. Здесь лишь ты и я. Соображаешь, к чему веду?

Докатилась... до угроз петуху.

Лена встала в полный рост и заглянула за забор соседнего вольера, где с не менее важным видом разгуливали индюки. Один особенно крупный, тянущий килограмм на тридцать, встретился с ней взглядами и встряхнул своей лиловой и морщинистой соплём. Этих бубенцоголовых она не любила ещё сильнее, чем крикунов. В детстве, когда бабушка отправляла их покормить, всегда находилась тварюга, что нападала исподтишка и больно клевала. Аж до крови!

Прогулявшись по задней части двора, где съела прямо с ветки пару сладких слив и контрастно кислых виноградинок, Лена вернулась на кухню. Только она собралась готовить зав-

трак, как бабушка тоже заскочила и быстренько прогнала от плиты, не позволив даже яйца пожарить.

— Успеешь ещё за жизнь накашиваться-то, радуйся, покель бабка твоя жива да при своём уме.

— Конечно, я этому рада, но тоже уже давно не беспомощный ребёнок. И как минимум завтрак уж нам точно могу приготовить.

— Дурная голова ногам покою не даёт, — проворчала сама себе под нос бабуля.

— Ладно, тогда я готова к серьёзному разговору, — подытожила Лена и села за пустой стол, сложив руки перед собой, как прилежная ученица. — Рассказывай, что вчера мы делали и для кого.

— Дык чё тут рассказывать-то — носки для Лёньки шили.

— А Лёня кто?

— Чёрт.

— В смысле?.. Ты имеешь в виду, что ведёт себя как чёрт?

— Чёрт он и в Африке чёрт. И повадки у него чертячи — копытцами отплясывает, коли сердает, — рассказала бабушка, деловито постукивая деревянной лопаткой о чугунную сковороду.

Лена зажмурилась, закрывая лицо ладонями, и мученически простонала:

— Я не понимаю-ю-ю, ты сейчас шутишь или говоришь серьёзно.

— Чё мне хохмы мочить, коли ты как Фома неверующая.

— Но это!.. — она воскликнула и тут же замолчала на полуслове, не в силах закончить мысль о невозможности существования чертей. После вчерашних летающих носков у неё рамки нормальности самую малость пошатнулись. — Реально чёрт?.. С рогами и копытами?

— И свиным пятакom, — поддакнула бабушка.

— Да ну нафиг, ты точно прикалываешься!

— Вот приедет Лёнька, ты поищи слов ласковых, понахваливай его — мол, до чего гарный хлопец! Сама тогда увидишь, как свиной пятак наружу вылезет.

Она накрыла стол, разложив привычную поляну, но Лена твёрдо решила съесть только яичницу. И так в последние дни сильно перебирала по калориям. Если пустить всё на самотёк, откормят её тут за месяц, как поросёнка.

— Среди людей водятся те, что в старину-то нечистой силой кликались, а таперича они зовутся — сущими, — снова заговорила бабушка после того, как села за стол. — Неведомо мне, чё за сущие такие, откудава взялись. Я их по старинке нечистью зову. Чёрт, леший, водяной — нечисть это, почитай, вся, да и только.

— Но зачем мы помогаем нечисти? Разве они — не зло?

— Человек — зло куда посильнее будет. А эти просто жить хотят. И пущай живут, покель людей не трогают. Да только в семье не без урода. Есть и такие, у кого злоба внутри лютует, да за ними быстро приходят.

— Кто приходит?

— Откудова мне знать-то? Каки-то охотники-лиходеи, чтоб им икалось. Им чё правый, чё виноватый — без разбору всех под корень кромсают. Поэтому-то мы, внученька, и подсобляем тем, кто совсем ещё зелен да хорониться толком не научился.

— Не поняла, кто и от кого хоронится? — тщетно пыталась разобраться Лена, но чем больше бабушка рассказывала, тем сильнее путалась. — Лёня же среди людей ходит, ни от кого не прячется... Или ты имеешь в виду, что они именно от охотников вынуждены скрываться?

— Так они ж ненашенские. Мы все живём в мире, что явью зовётся. А они лезут с обратной стороны — из нави. Там жизни-то нет, один холод да голод. Но когда они к нам пролезают, то сразу не умеют нормально за человеческой шкурой хорониться. — Она отломил кусок хлеба и макнула в жидкий желток. — Ты к Лёньке присмотришь повнимательнее-то, и поймёшь, о чём я толкую.

— Хорошо, присмотрюсь.

— Мы шьём одежду молодняку, чтобы помогать удерживать вот эти человечьи маски. Чтобы они людей не страшали. Люд-то он какой? Тёмный. С вилами попрёт на то, чё в толк не возьмёт. А кто ж даст себя али близкого своего в обиду? Никто! Всякий станет обороняться. Да только коли нечисть отпор даёт, калечит кого насмерть — вот тады и охотники враз прискакивают. И разговор у них короткий.

— Ну да, несправедливо получается, — тихо подметила

Лена, подумав о нечисти, как о беженцах, которые сталкивались с дискриминацией по одному лишь факту рождения с неправильным цветом кожи.

Накануне поездки в деревню она смотрела документальный фильм, в котором предков современных афроамериканцев отлавливали как каких-нибудь животных, засовывали в тесные клетки и везли на кораблях в трюмах. Бедные люди в огромных количествах умирали в условиях дичайшей антисанитарии. А что с ними потом творили хозяева — работодатели, считающие себя людьми высшего сорта, Лене даже вспоминать было неприятно. Ужастики нервно курили в сторонке перед лицом реальной истории.

— Неволить я тебя не стану, — начала говорить бабушка и резко замолчала, смотря на стену с календарём. — Дорогу ты сама выбрать должна, по сердцу. Я-то в своё время решилась на этот путь, покуда близко мне это всё ведьмовское. Но нашенская порода тебя, внученька, ни к чему не неволит. Никого из нашей крови насильно в это дело не затаскивали.

— То есть, вчерашняя демонстрация летающих носков, это была неторжественная передача мастерства?

— Нет, чай, это я тебя чуток поднапрягла ради долгов своих старых, — отмахнулась бабушка, возвращаясь к завтраку. — Задолжала я паре нечистиков за их подмогу. Не могу отойти от дел, покуль им вещицы не справлю. С носками Лёньки вот вчера разобрались, осталось ещё рубаху Володьке. Да и всё.

— Всего два заказа? А сказок-то об очередях бесконечных было. Не такой уж ты и популярностью пользуешься.

— Ты чё это удумала, сопля мелкая? — Сурово спросила она. Но только притворялась разозлившийся, сеточка морщинок вокруг глаз выдавала её истинное расположение духа.

— Бабку свою на слабо взять?

— Ну ты же сама рассказывала, что к тебе со всей России покупатели съезжаются, отбоя от них нет.

— Так и было, да только я последние годы никого и на порог не пускаю — всем от ворот поворот даю. Сил-то во мне больше нет, и тебя неволить не стану. Захочешь — продолжишь моё дело. Молва — она быстро разносится. Моргнуть не успеешь, как нечисть сбежится.

— А мама в курсе твоего ведьмовского бизнеса?

— Нет, она же чернявая, в деда твоего пошла, ни капли нашенской породы ей не вышло.

После сытного завтрака бабушка резво подскочила и собрала со стола тарелки, точно не восьмидесятилетняя старушка, а молодая и полная сил женщина. Она откинула руки Лены, попытавшейся ей помочь, и протёрла стол краем фартука.

— Дело у меня для тебя есть, — объявила бабушка, закончив с уборкой. — Таперича надо бы нам к Володке сходить, мерки с него снять сызнова. Я последний раз кафтан ему правила годов двадцать назад, почитай, целая вечность уплыла. Не сохранилось у меня в записях ничё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.